

07 Вильям Сароян: «Я верю в доброту человеческую»

Угасло одно из самых ярчайших светил армянского гения—не стало Вильяма Сарояна. Он не раз говорил и вновь, по-детски лукав, повторял, что когда его спрашивают, как долго бы он хотел прожить, он не может точно сказать, потому что, когда ему исполнилось пятьдесят, хотел дожить до шестидесяти, в шестьдесят—до семидесяти, а в семьдесят хочет дожить до восьмидесяти и так бесконечно, потому что любопытно, что будет тогда. Он говорил: «Интересно, какие изменения претерпят к тому времени люди и мир?»

Характеризуя величие Вильяма Сарояна, мы всегда перечисляем такие его качества, как доброта, чистота, человеколюбие, благородство, но все это несколько абстрагированные понятия для того, чтобы посчитать его конкретное величие. Эти качества были присущи и другим

великим творцам мировой литературы, предшественникам и современникам Вильяма Сарояна. По-моему, особенность величия Сарояна в том, что он является носителем всех перечисленных качеств, будучи сыном народа, пережившего резню. И вместо того, чтобы пропитаться горечью осознания столь ужасного факта, он вобрал в себя добро и человеколюбие.

Я

редко встречал людей такой величины, как Сароян. Пожалуй, он был единственным исключением. И я наблюдал, как обыкновенные явления преображались за его светлым человеком, тотчас же обретая силу всеобъемлющего обобщения—простые, незатейливые, как прожилки на камне, оставленные веками.

Совсем еще юным он понял, что несправедливы к народу, у которого есть несметные духовные богатства и решил эти богатства подарить людям иных национальностей, окружавшим его, не озлобляясь против них, а вновь

родов как еще одна форма существования нашего народа, достойная неугасающего восхищения.

Его связь с Арменией не

могла именоваться обычной, он хотел всесторонне познать эту страну, познать так, как познал самого себя. И посещая Армению, он иногда вел себя по-мальчишески безрассудно, стремясь за короткий срок, в течение нескольких дней прожить на земле армянской свои детство, юность, зрелость.

И еще он писал: «Мое оружие против злых сил мира—беспространственный взгляд, откровенная мысль, чистое сердце и беспокойная душа, которые заставляют меня писать.»

Окидывая взглядом литературное наследие, оставленное Сарояном, мы невольно думаем о том, что даже после своего ухода он не оставил места для скорби, так велико и разносторонне богато это наследие. Во время своих встреч с ним я глубоко убедился в том, что все, что Сароян дал миру, лишь ма-

тврдя для них добро: «Они были темны, многое не знали, потом, когда поняли и узнали, очень полюбили наш народ».

Сароян писал: «Люди, рожденные добрыми, достойны лучшего мира, чем этот. Значит, лучший мир должен строиться людьми. Я верю в доброту человеческую».

И еще он писал: «Мое оружие против злых сил мира—беспространственный взгляд, откровенная мысль, чистое сердце и беспокойная душа, которые заставляют меня писать.»

Окидывая взглядом литературное наследие, оставленное Сарояном, мы невольно думаем о том, что даже после своего ухода он не оставил места для скорби, так велико и разносторонне богато это наследие. Во время своих встреч с ним я глубоко убедился в том, что все, что Сароян дал миру, лишь ма-

лая толика того огромного океана, который бушевал в нем. Видимо, по этой причине Сароян не страшился жизни, не жаловался на иссякание творческих сил, не скучал и считал десятилетия жизни до ста и более, не представляя, когда сможет воплотить в произведения все свое духовное богатство. За несколько недель наших встреч с Сарояном, множество людей, общавшихся с ним, рассказали множество интересных случаев, и истории эти еще не исчерпаны, наоборот, вспоминаются все новые и новые.

Окидывая взглядом

литературное наследие, оставленное Сарояном, мы невольно

думаем о том, что даже по-

сле своего ухода он не оsta-

вил места для скорби, так

велико и разносторонне

богато это наследие. Во

время своих встреч с ним я глубоко

убедился в том, что все, что

Сароян дал миру, лишь ма-

тврдя для них добро: «Они

были темны, многое не знали,

потом, когда поняли и узнали,

очень полюбили наш народ».

Было холодно. Стояла осень. Мы шли с Сарояном и Левоном Мкртчяном по Гоголевскому бульвару в Ленинграде. Вдруг он заметил детей, притаившихся в дупле дерева. На миг взглянул в их сторону, повернулся ко мне, схватил за локоть и сказал: «Это желание чело-

века иметь дом». Лишь спустя много времени, я понял, что сказанное относилось к его жгучему желанию иметь родину. Я осознал это, когда в Ереване он сказал, что нам не понять его, потому что мы родились на своей родине и не можем понять его желание — иметь родину. В себе он нес неизмеримо больше родины, чем мечтал обрести. «Я всегда был армянским писателем, только писал на английском языке», — говорил он.

Сама мысль о Вильяме

Сарояне имеет живительную

силу и потому невозможно

соотнести его с идеей смерти.

Его будут помнить все,

кто хотя бы однажды видел его

шедрую улыбку, слышал гулкий

голос, кто читал хотя бы

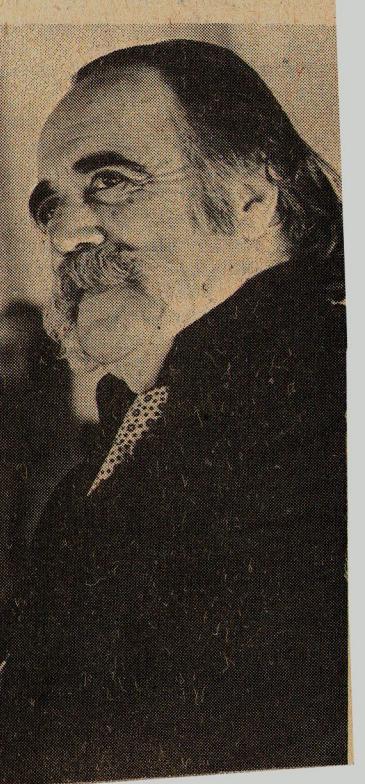
одну его новеллу. Его

будут помнить все те гвозди

и пуговицы, которые он под-

бирал на улицах Нью-Йорка.

Размик ДАВОЯН.

152